

Проза
великих

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

САВРОЛА

Проза великих

Уинстон Черчилль

Саврола

«Алгоритм»

1900

Черчилль У. С.

Саврола / У. С. Черчилль — «Алгоритм», 1900 — (Проза великих)

Публицистические, исторические и политические произведения Уинстона Черчилля известны многим, но его художественная проза никогда не издавалась на русском языке. Между тем, роман Черчилля «Саврола или Революция в Лаурании» в свое время имел огромный успех и выдержал несколько изданий в Англии и Америке. События романа разворачиваются в вымышленной стране. В этой стране единолично правит жестокий тиран, против которого восстает главный герой книги Саврола, – убежденный демократ и сторонник реформ. Взбунтовавшийся народ свержает тирана, он погибает на ступенях собственного дворца. Однако победа свободы и демократии омрачена происками тайного анархистского общества, члены которого являются сторонниками насилия. В образе главного героя романа Черчилль показал самого себя и вложил в этот персонаж многие черты своего характера и свои представления о жизни. Интересно, что в 1953 году Черчилль удостоился Нобелевской премии именно по литературе.

© Черчилль У. С., 1900

© Алгоритм, 1900

Содержание

Вступительная заметка	5
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	25
Глава VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Уинстон Черчилль

Саврола

*Книга посвящается офицерам IV (Королевского) гусарского полка,
в компании которых автор прожил четыре счастливых года.*

Вступительная заметка

Это произведение было написано в 1897 году и уже публиковалось в серийном издании в журнале «Макмилланс». Поскольку первая публикация была принята благосклонно, я решил издать отдельную книгу, и теперь с глубоким волнением я передаю ее на суд или милость читателей.

Уинстон С. Черчилль

Глава I

Важное политическое событие

Совсем недавно прошел сильный ливень, но солнце уже сияло сквозь редяющие облака, отбрасывая робкие ускользающие лучи на улицы, дома и сады столицы Лаурации. Все засверкало в лучах солнца, ласкавшего влажный город: пыль рассеялась; воздух был прохладен; деревья сияли зеленью, излучая благодарность дождю. Ведь это был первый дождь после невыносимого летнего зноя, возвестивший о начале чудесной осенней поры, благодаря которой столица Лаурации стала родным домом для художников, инвалидов и сибаритов.

Но даже проливной дождь не разогнал толпы людей, собравшихся на огромной площади перед зданием парламента. Он был желанным, но лица людей оставались встревоженными и суровыми; они промокли насквозь, но их волнение не ослабевало. Вероятно, происходило очень важное событие. Изумительное здание, где обычно собирались представители народа, казалось мрачным несмотря на то, что его фасад был украшен орнаментом в виде военных доспехов и статуями созданными еще в древние времена людьми, поклонявшимися искусству. Отряд улан республиканской гвардии расположился у основания огромной лестницы, а усиленная пехотная рота охраняла большую территорию у входа. Позади военных находились обычные люди. Они толпились на площади и на прилегающих к ней улицах; они взгромодились на многие памятники, олицетворявшие славу и гордость Республики, воздвигнутые в память о древних героях. Люди заполнили их так плотно, что те казались гигантскими человеческими фигурами; кое-кто из зрителей оказались даже на деревьях, другие выглядывали из окон, забирались на крыши домов и административных зданий. Это была гигантская возбужденная толпа, нетерпеливо колыхающаяся, словно бурное море, охваченное штормом. Тут и там люди вставали и горячо и страстно обращались к тем, кто мог услышать их голоса. Призывы и возгласы подхватывались тысячами людей, которые не слышали слов, но стремились выразить свои чувства.

Это был великий день в истории Лаурации. В течение пяти долгих лет после гражданской войны люди терпели унижения авторитарного режима. Тот факт, что правительство было сильным, а также память о беспорядках в прошлом, оказали мощное влияние на сознание более здравомыслящих граждан. Но с самого начала послышался неясный рокот. Многие люди сложили оружие, потерпев поражение в долгой борьбе, которая закончилась победой президента Антонио Молары. Некоторые были ранены или потеряли имущество, другие томились в тюрьмах; многие потеряли друзей и родных. Находясь на последнем дыхании, они безоговорочно клеймили войну.

Правительство начало жестоко преследовать врагов. Установилась безжалостная тирания. Древняя конституция, которую высоко ценили граждане и гордились ею, была уничтожена. Президент, заявляя о частых подстрекательствах к мятежам, отказал народу в праве выдвигать своих представителей в палату, которая в течение многих веков считалась надежным оплотом свободы. Таким образом недовольство росло день за днем и год за годом: Народная партия, которая вначале состояла лишь из нескольких членов, переживших поражение в войне, постепенно увеличивалась, превратившись в самую многочисленную и мощную организацию в стране; и, наконец, они нашли лидера. Волнения продолжались повсюду. Многочисленное население столицы, охваченное беспокойством, было твердо предано идеям обновления. Демонстрации следовали одна за другой; происходили мятежи; даже в армии проявлялись признаки недовольства. Наконец президент решил пойти на уступки. Было объявлено, что 1-го сентября будут выпущены избирательные бюллетени, и люди получают возможность выражать свои пожелания и мнения.

Это обещание успокоило более мирных граждан. Экстремисты, оказавшиеся в меньшинстве, изменили свою тактику. Правительство, используя благоприятный момент, арестовало нескольких наиболее агрессивных лидеров. Другие, в особенности те, которые сражались на войне и вернулись из ссылки, чтобы принять участие в восстании, убежали за границу ради спасения своей жизни. Тщательные поиски оружия привели к тому, что некоторые важные участники восстания были взяты в плен. Европейские страны, с интересом и волнением наблюдая этот политический барометр, были убеждены в том, что дело правительства набирало силу. Но тем временем люди молча ждали выполнения этих обещаний.

Наконец настал решающий день. Правительственные чиновники осуществили подготовку к созыву семидесяти тысяч мужчин – избирателей, готовых отдать свои голоса.

Как было принято, президент лично подписал необходимый указ о созыве верноподданных граждан на выборы. Было объявлено, что избирательные бюллетени будут направлены на различные избирательные участки города и провинции. Таким образом те, кто, согласно древнему законодательству, обладал правом голоса, получали возможность выразить свое отношение к человеку, которого люто ненавидели популисты и называли диктатором.

Толпа ожидала именно этого момента. Хотя время от времени раздавались возгласы, большинство людей хранили молчание. Даже когда президент прошествовал к зданию сената, они воздерживались от криков; в их глаза сквозило полное смирение, и это означало, что ему удалось загладить вину. Люди верили, что будут восстановлены законы, освященные временем и издавна почитаемые права. Они надеялись, что демократическое правительство снова одержит триумфальную победу в Лаурании.

Внезапно на вершине лестницы, на виду у всех людей, появился молодой человек. Он был нелепо одет, и его лицо побагровело от волнения. Это был Море, член Гражданского Совета. Публика сразу же узнала его, и послышались громкие возгласы. Многие люди, которые не увидели его, подхватили возгласы, которые эхом отдавались по всей площади. Это было выражение одобрения народа. Он страстно жестикулировал, но его слова приглушались шумом. Другой человек поспешно вышел вслед за ним, положил руку на его плечо и обратился к народу со всей серьезностью. Затем он повел его назад в тень у входа в здание. Толпа продолжала ликовать.

Третья фигура возникла у двери. Это был старый человек в форме муниципального чиновника. Он едва ковылял вниз по ступенькам, направляясь к экипажу, который должен был его встретить. Со всех сторон послышались возгласы:

- Годой! Годой!
- Браво, Годой!
- Да здравствует народный герой!
- Ура, ура!

Это был мэр, один из самых могущественных и уважаемых членов партии реформистов. Он вошел в экипаж и проехал по площади, охраняемой военными. Он продвинулся сквозь толпу, которая, все еще продолжая восторженно кричать, уважительно уступила ему дорогу.

Экипаж был открыт, и стало видно, что старый человек болезненно воспринимал происходящее. Его лицо было бледным. Он сжал губы, чувствуя обиду и гнев. Все его тело сотрясало от подавляемых эмоций. Толпа приветствовала его аплодисментами, но вскоре стало заметно, как изменился его вид, каким несчастным он выглядел. Люди столпились вокруг экипажа и закричали: «Что случилось? Все ли в порядке? Говори, Годой, говори!» Но он не обратил на них внимание. И, дрожа от волнения, приказал кучеру ехать быстрее. Люди медленно расступились. Теперь они выглядели угрюмыми, задумчивыми, словно им предстояло принять какое-то важное решение. Случилось что-то неприятное, непредвиденное, нежелательное; люди стремились узнать, что произошло.

И тогда стали распространяться какие-то невероятные слухи. Президент отказался подписать указы; он совершил самоубийство; войскам было приказано стрелять; в конце концов выборы так и не состоялись; кто-то сказал, что Саврола был арестован, и его схватили в здании Сената. Другой человек сообщил, что его убили. Шум толпы превратился в глухой нестройный ропот растущего гнева.

Наконец был получен ответ. На площади привлекал внимание один дом, который был отделен от Палаты представителей лишь узкой улицей, свободной от транспорта. Ее охраняли войска. На балконе этого дома снова появился молодой человек по фамилии Море, член Гражданского Совета, и его приход вызвал шквал нечеловеческих криков, охвативших огромную толпу. Он поднял руку, призывая людей к спокойствию, и через несколько мгновений его слова стали слышны тем, кто находился поблизости.

– Друзья, вы преданы. Мы стали жертвами жестокого обмана. Надежды, которые мы лелеяли, вдребезги разбиты. Все было сделано напрасно. Мы обмануты! Обмануты! Обмануты!

Отрывки из его страстной речи были услышаны в самом центре возбужденной толпы. И тогда он провозгласил слова, которые были услышаны тысячами людей, и тысячи собравшихся повторили их:

«Право на регистрацию гражданства попрано, и фамилии более половины избирателей вычеркнуты из списков. О, народ Лаурации, ты должен знать об этом!»

Толпа моментально замолчала, а потом стал слышен душераздирающий стон, в котором были выражены ярость, разочарование и решимость множества людей.

В этот момент президентский экипаж, запряженный четырьмя лошадьми, в сопровождении фореитора, одетого в ливрею республиканцев, а также эскорта улан, двинулся к основанию лестницы, в то время как из здания парламента появилась удивительная фигура. Это был мужчина, одетый в изумительно красивую форму генерала армии Лаурации голубого и белого цветов; на его груди сияли медали и ордена; его умное мужественное лицо было спокойным.

Он остановился на минуту, прежде чем подняться в экипаж, словно желая дать толпе возможность свистеть и гудеть, чтобы люди в конце концов успокоились. Он хладнокровно разговаривал со своим спутником сеньором Лоуве, министром внутренних дел. Один или два раза он обратился к обезумевшей толпе, а затем медленно спустился по ступенькам. Лоуве был намерен сопровождать его, но он услышал рев толпы и вспомнил о неотложных делах в Сенате; таким образом его спутник остался один. Солдаты достали оружие. Люди ревели от ярости. Конный офицер, сдерживавший свою лошадь, напоминал винтик какой-то безжалостной машины. Он отдал приказ своему подчиненному. Несколько отрядов пехотинцев начали дефилировать от боковой улицы, расположенной справа от правительственного здания. Они шеренгами продвинулись на участок, частично захваченный толпой.

В сопровождении отряда уланов президент вошел в экипаж, который немедленно начал быстро двигаться. Как только экипаж оказался на краю открытого участка, толпа неистово рванулась вперед. Охрана встала на защиту президента.

– Отступить назад! – скомандовал офицер, но на него не обратили ни малейшего внимания.

– Вы намерены отойти или мы сами вас подвинем? – повторил он, переходя на крик.

Однако толпа не отступила ни на дюйм.

Людям угрожала неминуемая опасность.

– Мошенник! Предатель! Лжец! Тиран! – раздались возгласы из толпы.

Люди употребляли и многие другие выражения, о которых неприлично писать.

– Верните наши права – это вы их украли!

И тогда кто-то позади толпы выстрелил в воздух из револьвера. Эффект был поразительным. Уланы оставили свои позиции и бросились вперед. Крики ужаса и ярости раздавались со всех сторон. Люди мчались, преследуемые отрядами кавалеристов; некоторые падали на землю

и были раздавлены насмерть; других сбивали с ног и калечили лошади; третьих пронзали копья солдат. Это было ужасное зрелище. Те, кто стоял сзади, швыряли камни, некоторые стреляли в воздух из пистолетов. Президент оставался невозмутимым. Стройный и несгибаемый, он взирал на всю эту бойню, как люди смотрят на лошадей, участвующих в гонках, когда ставки не сделаны. Его шляпа была сбита, и струйка крови, стекавшая по его щеке, свидетельствовала о том, что ему был нанесен удар камнем. В течение нескольких моментов он не мог принять решение. Толпа могла бы штурмовать экипаж и разорвать его на кусочки! Ведь были и другие, более легкие способы умереть. Но благодаря дисциплине войск удалось преодолеть все трудности. И случилось так, что поведение этого человека заставило врагов подчиниться ему. Толпа отступила, все еще продолжая свистеть и улюлюкать.

Тем временем офицер, командовавший пехотой у здания Парламента, был встревожен натиском людей, устремившихся к экипажу президента. Он решил отвлечь толпу.

– Мы вынуждены будем открыть огонь, – доложил он майору, находившемуся рядом с ним.

Этот офицер хоть и был ниже званием, но представлял другое ведомство и был, по-видимому, наделен более широкими полномочиями.

– Отлично! – ответил майор. – Это позволит нам завершить наши эксперименты по прорыву сквозь толпу. До сих пор мы пытались использовать пули с мягкими наконечниками. Это очень ценный эксперимент, сэр.

И затем, повернувшись к воинам, он отдал несколько приказов.

– Очень ценный эксперимент, – повторил он.

– Все это довольно дорого, – сухо заметил полковник. – И половины войск будет вполне достаточно, майор.

Раздался лязг затворов, это заряжались винтовки. Люди, стоявшие в первых рядах напротив войсковых цепей, немедленно начали неистово бороться, пытаясь укрыться в глубине толпы, чтобы избежать угрозы оружейного залпа. Лишь один мужчина в соломенной шляпе стоял с гордо поднятой головой. Вдруг он бросился вперед.

– Ради бога, не стреляйте! – закричал он. – Проявите милосердие! Мы разойдемся.

В какой-то момент наступила пауза, потом была отдана четкая команда и раздался оглушительный залп. Послышались стоны и крики. Мужчина в соломенной шляпе откинулся назад и упал на землю; другие люди тоже упали и молча лежали в странных искаженных позах. Все люди, за исключением воинов, разбежались; к счастью было много выходов с площади, и через несколько минут она стала почти пустынной. Экипаж президента продвигался сквозь расступавшуюся толпу к воротам дворца, охраняемым солдатами. Он добрался до него в безопасности.

Наконец все закончилось. Дух толпы был сломлен, и вскоре огромная площадь Конституции стала почти пустой. На земле валялись сорок трупов и некоторые использованные патроны. Эти люди сыграли свою роль в истории человеческого развития и забылись живыми людьми. Тем не менее солдаты подобрали пустые гильзы, и вскоре на это место приехали полицейские с тележками и собрали другие вещи. И снова в Лаурации воцарились тишина и покой.

Глава II

Глава государства

Экипаж в сопровождении охраны проехал через древние ворота по широкому двору к входу во дворец. Президент вышел из экипажа. Он глубоко понимал важность сохранения доброй воли и поддержки армии. Тогда он немедленно подошел к офицеру, который был командиром улан.

– Я надеюсь, что никто из ваших воинов не был ранен, – сказал он.

– Ничего серьезного, генерал, – ответил офицер.

– Командуя отрядом воинов, вы проявили великую мудрость и отвагу. Об этом будут помнить. Но, вероятно, легко руководить смелыми людьми; они, кстати, тоже не будут забыты...

Президент хотел добавить еще что-то, но его отвлекло мимолетное движение, которое он уловил краем глаза.

– О, полковник, вы правильно сделали, что пришли ко мне. Я ожидал некоторых волнений среди недовольных слоев общества, как только стало известно, что мы были полны решимости поддерживать закон и порядок в государстве.

Эти последние слова были сказаны смуглому, загорелому мужчине, который вошел во двор через боковые ворота. Полковник Сорренто, как звали незнакомца, был военным начальником полиции. Занимая эту важную должность, он одновременно выполнял обязанности министра обороны республики. Правительство уполномочило гражданскую власть немедленно прибегать к оперативной и эффективной помощи военных, если необходимы или желательны строгие меры. Такой порядок соответствовал духу времени. Обычно Сорренто был спокойным и невозмутимым. Он участвовал во многих сражениях и испытал на себе жестокость и беспощадность войны. Несколько раз он был ранен, и его считали смелым и твердым человеком. Но есть что-то ужасающее в концентрированной ярости толпы, и по манере поведения полковника было видно, что он не был равнодушен к происходящему.

– Вы ранены, сэр? – участливо спросил он, увидев лицо президента.

– Ничего страшного, просто удар камнем; но они были очень агрессивны. Кто-то подстрекал их. Я надеялся уехать, прежде чем эта новость стала известна. Кто сообщил ее?

– Море, член Гражданского Совета; он выступил, стоя на балконе отеля. Очень опасный человек! Он сказал им, что их предали.

– Предали? Какая дерзость! Конечно, такую формулировку можно найти в двадцатом разделе конституции: «Подстрекательство к насилию против человека, являющегося Главой государства, в результате обмана или по иным причинам». – Президент хорошо знал статьи общественного закона, призванного укреплять исполнительную систему. – Арестуйте его, Сорренто. Мы не можем позволить безнаказанно оскорблять честь правительства! Хотя... оставьте его пока на свободе. Возможно, было бы разумнее проявить великодушие теперь, когда вопрос улажен. Я не хочу кого-то преследовать именно сейчас.

Произнеся столь напыщенную тираду, президент добавил уже другим тоном:

– Полковник, этот молодой офицер выполнял свой долг с величайшей решимостью, его можно считать самым замечательным воином. Пожалуйста, проследите за тем, чтобы это было отмечено. Повышение в звании всегда должно быть результатом заслуг, а не возраста, результатом доблестной службы, а не услужения. Мы не забудем ваши заслуги, молодой человек!

С этими словами он поднялся по ступенькам и вошел в зал дворца, оставив младшего офицера в одиночестве осмысливать сказанное. Это был молодой человек двадцати двух лет, покрасневший от удовольствия и волнения, лелеявший великие надежды о власти и успехах в будущем.

Просторный и величественный бал был оформлен в самом высоком стиле республики Лаурации. Повсюду демонстрировались военные доспехи. Колонны были выполнены из мрамора; их размеры и цвет свидетельствовали о роскоши и величии прошлых дней. Пол, выложенный мозаикой, был украшен чарующим узором. Причудливая мозаика на стенах воссоздавала события национальной истории: основание столицы, заключение мира в 1370-м году; прием посланников великого Могола; победу Брота; смерть Салданхо, мужественного патриота, который принял гибель, но не согласился грубо нарушить конституцию. Далее на стенах были запечатлены такие события более поздних лет, как строительство здания парламента, победа флота у мыса Черонта и, наконец, окончание гражданской войны в 1883 году. На каждой стороне зала в глубоком алькове располагался бронзовый фонтан, окруженный пальмами и папоротниками. Журчание воды навевало ощущение живительной прохлады для глаз и ушей. Перед входом привлекала внимание широкая лестница, ведущая в парадные дворцовые покои. Двери комнат были покрыты темно-красными занавесками.

На вершине лестницы стояла женщина. Ее руки опирались на мраморную балюстраду; ее белое платье контрастировало с ярко окрашенными занавесками. Она была очень красива, но в ее лице сквозили страх и тревога. Как свойственно женщинам, она задала три вопроса одновременно:

– Что случилось, Антонио? Неужели народ восстал? Почему они стреляли?

Она робко стояла на верхней ступеньке лестницы, словно боясь спуститься.

– Все в порядке», – ответил президент своим обычным невозмутимым тоном. – Некоторые недовольные взбунтовались, но полковник принял меры предосторожности. И здесь снова воцарился порядок, моя дорогая. – И обратившись уже к Сорренто, он продолжал: – Возможно, беспорядки возникнут снова. Войска должны быть отозваны в казармы, и вы можете выдать им в качестве поощрения дополнительную дневную плату. Пусть воины выпьют за процветание республики. Сегодня вечером следует вдвое увеличить охрану, и желательно патрулировать улицы. Если что-то случится, вы найдете меня здесь. Спокойной ночи, полковник.

Он прошел несколько шагов, и министр обороны, сурово поклонившись, повернулся и удалился.

Женщина спустилась по лестнице, и они встретились на середине пути. Он взял ее руки в свои и нежно улыбнулся; она, стоя на одну ступеньку выше его, наклонилась вперед и поцеловала его. Это было дружелюбное, но формальное приветствие.

– Ну, – сказал он, – сегодня у нас все в порядке, моя дорогая; но я не знаю, сколько времени это еще будет продолжаться; по-видимому революционеры становятся сильнее день ото дня. Именно сегодня на площади сложилась очень опасная ситуация; но в настоящий момент это закончилось.

– Я пережила тревожные часы, – сказала она. И затем, впервые увидев царапину у него на лбу, вздрогнула: – Но вы же ранены.

– Ничего страшного, – успокоил ей президент. – Они бросали в нас камни, но мы использовали пули, которые лучше улаживают споры.

– Что же случилось в Сенате?

– Вы знаете, моя дорогая, я ожидал беды. Я заявил им в своей речи, что несмотря на нестабильную ситуацию, мы решили восстановить древнюю конституцию, но было необходимо исключить из списка избирателей тех, кто проявлял недовольство и бунтовал. Мэр извлек его на свет божий, и они наспех просмотрели сведения об электорате отдельных участков. Они разозлились, увидев, насколько сокращен был список. Годой даже потерял дар речи; этот человек просто глуп. Лоуве сказал им, что в нем указывалась лишь часть избирателей. Он заявил, что по мере урегулирования ситуации право голоса будет расширено; но в ответ они завывали от гнева. В самом деле, если бы не помощь сопровождающих и некоторых людей из охраны,

они бы растерзали меня прямо на месте. Море погрозил мне кулаком – этот молодой идиот. А потом он бросился к толпе, собравшейся на площади, и обратился к ней горячо и страстно.

– А что же Саврола?

– О, Саврола! Он был совершенно спокоен; лишь засмеялся, когда увидел список.

«Это лишь вопрос нескольких месяцев, – сказал он. – Неужели вы считаете, что все это обойдется для вас без последствий?»

– Я сказал ему, что не понял, о чем идет речь... Но тем не менее он сказал правду.

И с этими словами президент, взяв жену под руку, стал медленно подниматься по лестнице, задумавшись о чем-то своем.

Но во времена массовых беспорядков у публичного человека остается слишком мало времени на отдых. Не успел Молара достичь вершины лестницы и войти в зал для приемов, как к нему направился человек. Он собирался встретить его у выхода из двери в дальнем конце зала. Он был невысоким, смуглым и очень уродливым. На лице его бороздились морщины, вызванные пожилым возрастом и сидячим образом жизни. Бледность лица этого человека усиливалась из-за контраста с его волосами и короткими усами, которые отличались особенной чернотой с фиолетовым отливом, редко встречающейся в природе. В руке он держал крупную кипу документов, тщательно разложенных его длинными изящными пальцами. Это был личный секретарь.

– В чем дело, Мигуэль? – спросил президент. – Вы хотите передать мне донесения?

– Да, сэр; это займет лишь несколько минут. У вас был беспокойный день; мне приятно, что он закончился успешно.

– Он был не лишен интереса, – устало произнес Молара. – Что вы хотите мне сообщить?

– Получено несколько иностранных депеш. Великобритания прислала ноту относительно сферы влияния на территории, расположенной к югу от Африканской колонии. Министр иностранных дел составил ответ на нее.

– Ах уж эти англичане, какие они алчные и властные! Но мы должны проявить твердость. Я буду защищать территорию республики от всех внешних или внутренних врагов. Мы не можем посылать войска, но, слава богу, мы можем писать донесения. Ведь это тоже достаточно мощное средство, не правда ли?

– Ваше превосходительство, вам не совершенно не о чем беспокоиться. Мы решительно защитили наши права, и это великая моральная победа!

– Я надеюсь, что она принесет нам кроме морального еще и материальное благо. У нас богатая страна, и мы платим не пустыми заверениями, а золотом; этим и объясняется данное послание. Конечно, наш ответ должен быть суровым. Что еще?

– Здесь есть еще некоторые документы, касающиеся армии, поручений и повышений в должности, сэр, – сказал Мигуэль, извлекая одну особую кипу документов, которую он держал между большим и указательным пальцами. – Следует утвердить эти судебные решения, а также представить информацию и высказать мнение о проекте бюджета, составленном Моргоном. Помимо этого следует рассмотреть два незначительных вопроса».

– Гмм, утомительное дело!.. Ладно, я приду попозже и разберусь со всем этим. Дорогой мой, вы же знаете, как я занят. Мы встретимся сегодня вечером во время ужина. Все министры дали согласие?

– Все, кроме Лоуве, господин президент. Сослался на то, что у него много дел.

– Дела... какая ерунда! Он боится вечером выйти на улицу. Как позорно быть трусом! Итак, он пропустит замечательный ужин. Тогда в восемь, Люсиль». Быстрым и решительным шагом он прошел через небольшую дверь личного кабинета. За ним последовал секретарь.

Супруга Антонио Молара на мгновение задержалась в огромном зале для приемов. Потом она направилась к окну и вышла на балкон. Перед ее взором явилась картина необычайной красоты. Дворец стоял на высоком холме, и из его окон открывалась широкая панорама

города и бухты. Солнце находилось низко на горизонте, но стены домов все еще сияли ослепительной белизной. Красные и синие черепичные крыши казались менее яркими на фоне множества садов и площадей, где росли зеленые изящные пальмы, навевавшие покой и радость. На севере виднелись величественные здания Сената и парламента. К западу находилась бухта, где сосредоточился морской флот. Ее окружали оборонительные форты. Несколько военных кораблей плыли по своему курсу, и множество мелких суденышек с белыми парусами скользили по водам Средиземного моря, которые уже начали утрачивать обычный синий цвет. Его сменили более великолепные цвета заката.

В ореоле прозрачного света осеннего вечера, она выглядела божественно красивой. Она достигла того этапа жизни, когда к привлекательности красивой девушки добавляется зрелый ум женщины. Изумительные черты ее лица отражали ее мудрость. В каждом ее чувстве и настроении сквозила особая радость жизни, которая придает женщине неповторимое очарование. Ее высокая фигура была преисполнена грации, и почти классическая одежда, которую она носила, подчеркивала ее красоту и гармонировала с окружающей обстановкой.

Что-то в ее лице отражало мечтательность и страстность. Люсиль вышла замуж за Антонио Молару почти пять лет назад, когда он достиг вершины власти. Ее семья принадлежала к самым верным сторонникам его дела, и ее отец и брат отдали свою жизнь на поле сражений в Сорато. Ее мать, сломленная горем, стремилась отдать свою дочь под защиту самого влиятельного друга семьи – генерала, который спас государство и теперь управлял им. Вначале он согласился принять на себя эту задачу из чувства долга перед теми, для кого он был путеводной звездой, но впоследствии возникли и другие мотивы. Прошел месяц, прежде чем он влюбился в красивую девушку, дарованную ему судьбой. Она восхищалась его отвагой, энергией и изобретательностью; величие должности, которую он занимал, также оказало на нее влияние; он предложил ей богатство и высокое положение – она стала почти царицей. И, кроме того, он был изумительным мужчиной. Они поженились, когда ей было 23 года. В течение многих месяцев ее жизнь была заполнена бесконечными приемами, балами и зваными вечерами. Жизнь казалась непрерывным праздником. Иностранные принцы преклонялись перед ней не только, как перед самой очаровательной женщиной в Европе, но и как перед важным политическим деятелем. В ее салоне толпились знаменитости со всех уголков света. Государственные деятели, военные, поэты и ученые считали его священным местом. Она принимала участие в государственных делах. Вкрадчивые и любезные послы высказывали деликатные намеки, и она давала им неофициальные ответы. Полномочные представители объясняли подробности договоров и протоколов с особенной тщательностью ради ее блага. Филантропы вступали в споры, на чем-то настаивали и подробно излагали свои взгляды и проявляли причуды. Все говорили с ней об общественных делах. Даже ее служанка обратилась к ней с просьбой – она просила повысить в должности своего брата, который служил клерком на почтамте; и каждый восхищался ею, обожал ее. Но пришло время, когда и восхищение – самый желанный напиток для любой женщины – стало вызывать скуку.

Но даже в первые годы замужества в ее жизни не хватало чего-то очень важного. Люсиль никогда не могла понять – чего именно. Ее муж был нежным и полностью посвящал ей время, когда не был занят общественными делами. В последнее время жизнь стала не такой яркой, как прежде. Волнения в стране, укрепление сил демократии, помимо трудностей, связанных с управлением республикой, полностью поглощали время и силы президента. Суровые морщины появились на его лице. Они возникли в результате тяжелого труда и тревоги. Иногда она улавливала его взгляд, полный ужасающей усталости. Это был взгляд человека, который упорно трудился и тем не менее понимал, что все было напрасно. Они виделись уже не так часто, и в моменты их встреч он все больше говорил о делах и о политике.

Чувство неясной тревоги проникло в столицу. Сезон, который только что начался, оказался несчастливый. Многие из влиятельных семей остались в летних резиденциях, располо-

женных в горах. Хотя на равнинах было уже прохладно, но деревья оставались зелеными. Другие, оставшиеся в городе, не выходили из своих домов. Во дворце посещались только самые формальные мероприятия. Поскольку перспектива становилась все более угрожающей, вероятно у нее оставалось все меньше шансов оказать ему помощь. Страсти бушевали, ослепляя глаза, уже неспособные наслаждаться красотой, притупляя душу, неспособную радоваться. Она была по-прежнему царицей, но ее подданные стали угрюмыми и невнимательными. Что она могла предпринять, чтобы помочь ему именно теперь, когда он был так измучен? Следовало ли ей продолжать проводить церемонии во дворце после того, как утрачено было величие, когда враги трудились день и ночь ради свержения всего, что было ей дорого?

«Неужели я не могу ничего, совсем ничего сделать?» – бормотала она про себя. – «Неужели я отыграла свою роль? Разве уже прошли лучшие годы жизни?» – И тогда, охваченная горячей волной раздражения и решимости, она спросила: «Я сделаю это – но что?»

Но этот вопрос остался без ответа; край солнца погрузился глубоко за горизонт, и в самом конце военного мола, у бесформенной насыпи земли, обычно расположенной рядом с оборонительными укреплениями бухты, вдруг возникла струйка дыма. До нее донесся слабый, едва заметный звук выстрела, который вдруг прервал ее грустные мысли, оставшиеся в памяти. Она повернулась назад с глубоким вздохом и снова вошла во дворец; постепенно угас дневной свет, и настала ночь.

Глава III

Человек из толпы

Отчаяние и яростный гнев охватили город. Новости о расстрелах распространились все быстрее и дальше, и, как обычно бывает в таких случаях, они были значительно преувеличены. Но полиция умело осуществляла меры безопасности, и люди понимали это. Никому не разрешалось собираться в толпу, и постоянное патрулирование улиц предотвратило сооружение баррикад. Более того, внешний вид воинов республиканской гвардии был настолько устрашающим, что независимо от настроения граждан, они считали разумным проявлять смирение и вести себя спокойно.

Однако лидеры народной партии вели себя по-другому. Они немедленно собрались в официальной резиденции мэра, и последовал яростный спор. В здании мэрии состоялось чрезвычайное собрание, в котором участвовали все руководители партии. Море, член Гражданского Совета и бывший редактор запрещенного издания «Зов трубы», был очень рад, когда он вошел в зал. Его речь понравилась многим собравшимся, и жители Лаурации всегда были готовы приветствовать смелые действия. Кроме того, каждый из них был взволнован недавно вспыхнувшим восстанием и страстно желал что-то сделать. Делегаты лейбористской партии были особенно возмущены. Рабочие, собравшиеся конституционным способом, чтобы выразить свои жалобы, были расстреляны наемными солдатами; наиболее часто эта акция называлась зверским убийством. Необходимо возмездие; но каким образом? Были предложены самые безумные планы. Море, который всегда был сторонником смелых действий, призывал людей выйти на улицы и взяться за оружие; по его мнению, они могли бы сжечь дворец, казнить тирана и восстановить утраченные права граждан страны. Старый и осторожный Годой решительно выступил против этого предложения, которое на самом деле ни у кого не вызвало особого рвения. Он предлагал выразить недовольство и осуждение в спокойной и достойной манере, которая была бы одобрена Комитетом Наций, призванным защищать справедливость своего дела. Другие устроили спор. Рено, барристер, ратовал за так называемые конституционные методы. По его мнению, следовало создать Комитет Общественной безопасности и назначить его достойных руководителей из государственных военачальников (конечно, включая генерала – атторнея). Кроме того он требовал издать приказ о смещении президента за нарушение фундаментальных принципов, содержащихся в преамбуле декларации национальных прав. Затем он продолжал подробно излагать связанные с этим правовые вопросы, но его прервали некоторые участники собрания, страстно желавшие высказать свои замечания.

Были приняты несколько резолюций. Согласно всеобщему мнению, президент утратил доверие граждан и должен был немедленно покинуть свой пост и предстать перед судом. Также все считали, что армия заслуживала наказания гражданами республики. Было решено преследовать в судебном порядке тех военных, которые стреляли в народ, и было выражено официальное соболезнование родственникам убитых и раненых или жертв, как их называли.

В конце этого жалкого и бесполезного зрелища в зал вошел замечательный человек, который возродил партию из пепла и привел ее к успехам. И теперь казалось, что победа уже одержана. Молчание воцарилось среди собравшихся; Некоторые встали, чтобы выразить уважение; все стремились узнать, что он скажет. Как он выдержал сокрушительное поражение, которое обрушилось на них? Неужели он утратил веру в свое дело? Был ли он недовольным, печальным или циничным? Помимо всего прочего, какой политический курс он предлагал?

Он прошел к концу длинного стола, вокруг которого сгруппировались члены партии, и неторопливо занял свое место. Тогда он осмотрел все вокруг. Его лицо было спокойным и невозмутимым, как обычно. Он выглядел величественным в обстановке смятения и нере-

шительности. Само присутствие этого человека вселяло чувство уверенности его соратникам. В его голове с высоким и крупным лбом вероятно заключались ответы на любые вопросы; казалось, что благодаря своему мужеству и хладнокровию он был способен выдержать самые жестокие удары судьбы. Через мгновение все собравшиеся замолкли, и тогда он встал. Его речь была грамотной и сдержанной. Он сказал, что его огорчило искажение списка избирателей. Полный успех еще не был достигнут, но он был только отсрочен. Он опоздал на собрание в мэрии, чтобы уточнить некоторые сведения. Конечно, это было сделано несколько поспешно и поверхностно, но он считал их приблизительно верными. Было очевидно, что президент завоевывает большинство голосов на предстоящих парламентских выборах, и даже значительное большинство; но и они рассчитывали получить какое-то количество мест несмотря на ограниченный электорат. По его мнению, они могли бы набрать около 50 из 300 парламентских мест. Даже партии, набравшие еще меньше голосов, свергали более могущественные правительства. Каждый день укреплялись их силы; каждый день возрастала их ненависть к диктатору. Помимо этого существовали и другие альтернативы конституционным методам.

Услышав эти слова, некоторые из собравшихся стиснули зубы и многозначительно посмотрели друг на друга. Он же, не обращая внимания на это, продолжал далее излагать свои мысли. Согласно его точке зрения, в текущий момент они должны были занять выжидательную позицию; и они могли позволить себе ждать, поскольку игра стоила свеч. Он подчеркнул, что самым ценным сокровищем в мире была свобода...

Когда он закончил выступление и сел на место, лица его слушателей стали спокойнее, на них появились черты некоторого удовлетворения. Однако дискуссия продолжалась. Было решено выделить из общественных фондов партии средства, чтобы помочь тем, кто оказался в тисках бедности после жестокого убийства их родственников. Эти меры способствовали бы росту популярности партии среди трудящихся и поддержке других стран. Депутатская группа должна была встретиться с президентом, чтобы выразить отчаяние граждан, утративших древнюю конституцию и передать их просьбу вернуть им право голоса. Также следовало потребовать наказания офицеров, которые стреляли в народ. Президент должен был знать, какую тревогу и негодование испытывали жители города. Саврола, Годой и Рено были избраны членами депутатской группы, в то время как Комитет реформаторов был незаметно распущен.

Море с трудом дотянул до конца заседания и пошел к Савроле. Он был удивлен тем, что его кандидатура не была предложена в качестве члена депутатской группы. Он знал своего лидера намного лучше, чем Рено, педантичный юрист, у которого было мало друзей. С самого начала он следовал за Савролой с безрассудным энтузиазмом и преданностью, а сейчас он чувствовал обиду от того, что им так пренебрегли.

– У нас был тяжелый день, – попробовал он начать разговор; и когда Саврола ничего не ответил, продолжал: – Кто же мог подумать, что они осмелятся обмануть нас?

– Это для *вас* был очень трудный день? – задумчиво переспросил Саврола.

– Для меня? А на что вы намекаете?

– А вы подумаете о том, кто должен ответить за сорок человеческих жизней? Стоило ли провоцировать толпу своими эмоциями: ведь ваша речь была бесполезной, какой от нее толк? В результате их кровь на ваших руках. А люди теперь слишком запуганы. И им, и нашему делу нанесен огромный вред – и все это по вашей вине».

– По моей вине! Я был в ярости, из-за того, что он обманул нас; я думал только о восстании! И я никогда не представлял себе, что Вы будете покорно сидеть, сложа руки. Этот негодяй должен быть немедленно убит, прежде чем произойдут другие несчастья!

– Послушайте, Море: я так же молод, как и вы. У меня тоже тонкие чувства; я полон энтузиазма. И я тоже ненавижу Молару, но мы должны быть мудрее и по-философски относиться к жизни. Но тем не менее я сдерживаю себя; ведь ничего нельзя добиться, если предаваться эмоциям. А теперь обратите внимание на мои слова. Либо вы научитесь вести себя именно

так, или можете поступать по-своему. Однако в этом случае я отвергну вас как политика, хотя дружеские отношения – это нечто другое.

Он сел и, не обращая больше внимания на собеседника, начал писать письмо, в то время как Море смертельно побледнел от гнева и самобичевания. После такого выговора его бросило в дрожь, и он поспешно вышел из зала.

Саврола остался. В этот вечер у него было много дел: необходимо было написать и прочитать письма, истолковать смысл основных статей, представленных в демократической прессе, а также решить многие другие вопросы. Руководство огромной партией и строгие методы конспирации требовали усилий и постоянного внимания. Он закончил говорить лишь в девять часов вечера.

– Спокойной ночи, Годой, – обратился он к мэру; – завтра у нас снова будет напряженный день. Мы должны постараться запугать диктатора. Сообщите мне, в какое время он дает аудиенцию.

У двери мэрии он вызвал экипаж, запряженный парой лошадей. Это было транспортное средство, которое продолжало использоваться как обычно, несмотря на скучный период в общественной жизни и бурные политические события. Через некоторое время он подъехал к небольшому дому, не лишенному привлекательности, учитывая, что он был состоятельным человеком. Дом был расположен в самом фешенебельном районе города. Он постучал в дверь, и ее открыла пожилая женщина. Она встретила его с радостью.

– Я ужасно переживала, когда тебя не было дома, – сказала она. – Меня испугали вся эта стрельба и шум. Теперь дни становятся прохладными, и ты должен носить пальто; Я боюсь, что завтра ты простудишься».

– Все в порядке, Беттина, – ласково сказал он. – Благодаря твоей заботе у меня крепкая грудная клетка; но я очень устал. Принеси чего-нибудь перекусить прямо ко мне в кабинет. Сегодня я не буду ужинать.

Он пошел наверх, в то время как она начала суетиться, чтобы приготовить для него самый лучший обед, какой только можно было придумать. Его апартаменты располагались на третьем этаже – спальня, ванная и кабинет. Комнаты были небольшие, но вся их обстановка была проникнута изысканностью и роскошью, которые сохраняются благодаря любви и заботе. Широкий письменный стол располагался в таком месте, где солнечный свет в любое время дня удобно падал на его рабочую поверхность не слепя глаза. В центре стола стояла большая бронзовая чернильница, оборудованная всеми необходимыми атрибутами, вплоть до лотка со стопкой промокательной бумаги. Остальную часть стола занимали подшитые документы. И хотя на полу стояла большая корзина для мусора, он был усеян обрывками бумаги. Это был письменный стол публичного человека.

Кабинет освещался электрическим светом, струившимся от торшеров. К стенам были прикреплены книжные полки, наполненные томами, которые успешно использовались.

Никого не допускали в этот Пантеон литературы, где книги тщательно прочитывались и оценивались. Это была обширная библиотека: философия Шопенгауэра отделяла Канта от Гегеля, который оттеснял мемуары Сен Симона и новейший французский роман; Расселас и Ла Куре были уложены рядом; восемь солидных томов знаменитой Истории Гиббона, несомненно, соответствовали великолепному изданию Декамерона, как бы продолжая его; «Происхождение видов» нашло свое место рядом с библией с черным шрифтом; «Республика» находилась в гармонии с «Ярмаркой тщеславия» и «Историей европейской морали». Том «Очерков» Маколи лежал прямо на письменном столе; книга была открыта, и изумительный отрывок о том, как гений одного человека сделал бессмертным гений другого, был подчеркнут карандашом.

«И история, в то время как ради спасения страстных, возвышенных и смелых натур ею отмечаются многие ошибки великого человека, провозглашает, что среди выдающихся людей,

чьи кости покоятся рядом с ним, едва ли кто-нибудь оставил о себе более благородную и светлую память».

Полупустая пачка сигарет лежала на маленьком столике рядом с низким кожаным креслом; тут же находилась хрустальная пепельница, периодически под завязку заполнявшаяся окурками, но сейчас девственно чистая. Сбоку стояла инкрустированная оружейная коробка, в которой находился тяжелый армейский револьвер. В углу кабинета стояла небольшая, но изящная статуя капитолийской Венеры. Создавалось впечатление, словно целомудренность ее цвета не гармонировала с ее соблазнительными формами. Это были апартаменты философа, но не аскета-затворника, фанатически преданного науке; Это было жилище человека, которому не чуждо ничто человеческое. Он ценил все земные удовольствия и знал их подлинную цену, одновременно наслаждался ими и презирал их.

На столе все еще лежали некоторые нераскрытые документы и телеграммы, но Саврола устал; во всяком случае они могли подождать до утра. Он опустил в кресло. Да, это был длинный и унылый день. Он был молодым человеком 32 лет, но уже на него оказали влияние трудная работа и тревога. Его ранимую тонкую душу не могли не взволновать драматические события, которые он наблюдал. Подавление эмоций лишь еще больше разжигало пожар в его душе. Стоило ли совершать все это? Борьба, упорный труд, постоянная спешка, принесение в жертву многих вещей, которые делают жизнь легкой и приятной – ради чего? Ради блага людей! Но он не мог скрыть от самого себя, что это не было конечной целью его жизни. Честолюбие было главной движущей силой, и он не мог сопротивляться этому. Ему не были чужды вдохновение художника, жизнь которого посвящена поискам красоты, или азарт спортсмена – самое острое наслаждение, исцеляющее душевные муки. Еще приятнее было бы мечтать и размышлять в уединении где-нибудь в чудесном саду вдали от людского шума. Тогда он мог бы познать все радости, дарованные искусством и интеллектом. Однако он знал, что не смог бы перенести все это. Его натура была «страстной, возвышенной и смелой». Жизнь, которую он жил, была его единственным выбором, и он должен продолжать до конца. Часто конец очень рано приходит к таким людям, чей дух настолько истерзан, что они находят отдых только в действии, успокоение – только в опасности и лишь в смятении обретают мир.

Его мысли были прерваны приходом пожилой женщины с подносом в руках. Он был усталым, но требовалось соблюдать приличия. Тогда он встал и прошел во внутреннюю комнату, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Когда он вернулся, стол был накрыт. Помимо супа, который он просил, ему принесли более изысканные блюда, с любовью приготовленные его домоправительницей. Она обслуживала его, задавая ему вопросы и с удовольствием наблюдая, с каким аппетитом он ел. Она растила его с самого рождения, проявляя непоколебимую преданность и заботу. Любовь таких женщин – это очень странная вещь. Возможно, это единственное бескорыстное чувство в мире. Мать любит своего ребенка; такова материнская натура. Юноша любит свою возлюбленную; это тоже можно объяснить. Собака любит своего хозяина; он кормит ее. Мужчина любит своего друга; возможно он помогал ему в трудные моменты. Все это имеет причины; но любовь приемной матери к своему подопечному кажется совершенно безрассудной. Это одно из немногих доказательств (необъяснимых даже на основе причинно-следственных связей) того, что природа человечества выше простого утилитаризма, и его цели должны быть высокими.

Легкий и скромный ужин был закончен, и пожилая женщина удалилась, убрав тарелки, а он снова предался размышлениям. Несколько трудных дел предстояли в будущем, и он не мог решить, как себя вести. Он выбросил их из головы; почему его всегда должны угнетать факты реальной жизни? Как пройдет ночь? Он поднялся, подошел к окну, и, раздвинув шторы, выглянул на улицу. Вокруг было очень тихо, но ему слышалось, словно издали раздавался звук тяжелых шагов патруля. Все дома были темными и мрачными; Наверху ярко сияли звезды; это была чудная ночь, как будто созданная для наблюдения за ними.

Он закрыл окно, взял свечу и подошел к занавешенной двери, расположенной на одной стороне комнаты; она открывалась на узкую спиральную лестницу, которая вела к плоской крыше. Большинство домов в Лаурации были низкими, и, достигнув крыши, Саврола взглянул на спящий город. Газовые фонари освещали улицы и площади, и более яркие огни струились от кораблей, сосредоточенных в бухте. Но он недолго смотрел на них; в какой-то момент он почувствовал, что устал от людей и их творений. Небольшая стеклянная обсерватория находилась в углу надземной площадки; передний край телескопа был виден через отверстие.

Этот аспект его жизни был никому не известен во всем мире; он не был математиком, стремящимся к новым открытиям или к славе; но ему нравилось наблюдать звезды и пытаться разгадать их непостижимые тайны. С помощью нескольких манипуляций телескоп был направлен на прекрасную планету Юпитер, в это время она находилась высоко на севере. Стекло отличалось очень высоким качеством, и великая планета, окруженная спутниками, засияла волшебной красотой. Благодаря особому механизму, ему удалось вести постоянное наблюдение звезд, в то время как земля продолжала вращаться в течение многих часов. Процесс наблюдения был очень долгим, и с каждым мгновением его все больше околдовывала какая-то непостижимая сила, которая воздействует на пытливых и любознательных представителей человечества, когда они созерцают звезды.

Наконец он встал, но его мысли все еще были очень далеки от земли. Молара, Море и партия, волнующие события в течение дня – все это казалось туманным и нереальным. Другой мир, казавшийся более совершенным, мир бесконечных возможностей, увлек его воображение. Он размышлял о будущем Юпитера, о непостижимых периодах времени, которые пройдут, прежде чем в результате процесса охлаждения жизнь станет возможной на его поверхности. Он также подумал о медленном, но уверенном триумфе эволюции, безжалостной, неумолимой. Куда она приведет их, не родившихся жителей планеты эмбрионов? Возможно произойдет лишь едва заметное изменение жизненной сущности; а может быть этот процесс будет таким мощным, о чем он даже не мог мечтать. Будут решены все проблемы, устранены все препятствия; развитие жизни станет более совершенным. И тогда его фантазия, преодолевая пространство и время, устремилась к еще более отдаленным периодам. Процесс охлаждения будет продолжаться; совершенное развитие жизни закончится смертью; вся солнечная система, вся вселенная однажды станет холодной и безжизненной, словно угасший фейерверк.

Это был печальный конец. Он закрыл обсерваторию и спустился по лестнице, надеясь, что его фантазии будут опровергнуты доводами разума.

Глава IV

Депутатская группа

Президент обычно вставал рано и сразу же приступал к чтению газет. Он читал статьи, в которых обсуждалась политика правительства или критиковались его действия. В это утро он получил исключительно много литературы. Во всех газетах главное внимание было уделено ограничению права голоса и всеобщему восстанию, которое произошло вслед за этим. Вначале он раскрыл газету «Час», предназначенную для представителей ортодоксальной посредственности, которая осторожно поддерживала правительство, надеясь на его благосклонность при распространении случайных новостей, которые время от времени предоставлялись в ее распоряжение. В полутора столбцах издания газеты «Час» осторожно выражалось сожаление о том, что президент был неспособен полностью восстановить право голоса; такая позиция устраивала большинство читателей. Во втором столбце было высказано полное неодобрение (точнее яростное осуждение) позорного восстания, которое привело к таким печальным последствиям; Таким образом отдавалось должное президенту, который прислал в газету текст английской ноты, поступившей накануне. Он был опубликован дословно с помпой и торжественностью. Сообщалось, что текст представил «наш специальный корреспондент» в Лондоне.

«Придворный», респектабельная утренняя газета, с прискорбием отмечала, что такой позорный бунт произошел в начале сезона. В ней выражалась надежда, что это событие не отразится на великолепии правительственного бала, который должен был состояться 7-го сентября. В газете также был представлен отличный отчет о первом торжественном ужине, устроенном президентом. К основному тексту прилагалось меню. Была выражена обеспокоенность тем, что сеньор Лоуве, министр внутренних дел, не присутствовал на этом мероприятии из-за недомогания.

«Искренний собеседник», ежедневная газета с огромным тиражом, воздержалась от комментариев, но опубликовала талантливый репортаж о жестокой бойне, душераздирающие подробности которой были представлены ярко и эмоционально.

Это были издания, которые поддерживали правительство, и президент всегда читал их в первую очередь, чтобы найти защиту от гнева, который радикальная, народная и демократическая пресса обрушивала на него, его правительство и все его действия. Самым худшим результатом использования высокопарного языка в обычных публикациях является то, что в экстренных ситуациях становится невозможно красочно описать их. Такие издания как «Фабианец»¹, «Солнечный край» и «Бурный поток» уже исчерпали яркие эпитеты из своего обширного словарного запаса при освещении незначительных событий. Теперь, когда граждане подверглись смертоносному обстрелу, и их древние привилегии были поруганы, газеты очень сдержанно сообщили об этом, хотя люди испытывали чувства, заслуживавшие более ярких эпитетов. Газеты так часто и так живо сравнивали главу государства с Нероном и Искариотом (в незначительной мере показывая преимущества древних героев), что было трудно понять, как относиться к нему в настоящее время. Тем не менее они ухитрились найти несколько неиспользованных выражений и обрушили все свое красноречие на правительственный ужин, как пример «зверского попрания самых элементарных принципов человечности». У читателей газеты «Солнечный край» создалось впечатление, что в ней с особым упоением сообщалось, как министры «наслаждались позорной оргией обжорства и уплетали изысканные блюда паль-

¹ *Фабианец* – приверженец фабианства, философско-экономическое течения, получившего свое название от имени римского военачальника Фабия Максима Кунктатора (Медлительного). Фабианцы полагали, что преобразование капитализма в социалистическое общество должно происходить постепенно, медленно, в результате постепенных институциональных преобразований.

цами, запачканными кровью убитых, в то время как тела их жертв не были захоронены и никто не отомстил за них».

Закончив чтение, президент бросил с кровати последнюю газету и нахмурился. Его не интересовала критика, но он знал, какой силой обладала пресса. И он понимал, что она не только отражала, но и формировала общественное мнение. Не могло быть сомнения в том, что возрастало недовольство против него.

За завтраком он был задумчивым и печальным. И Люсиль тактично старалась не раздражать его вымученными банальностями утренней беседы. К девяти часам утра он всегда принимался за работу, но в это утро он приступил к ней раньше обычного. Секретарь уже сидел за столом и что-то напряженно писал, когда вошел Молара. Он встал и поклонился. Это был формальный поклон, который казался признанием равенства, а не выражением почтения. Президент кивнул и направился к столу, на котором были тщательно разложены письма, требовавшие его личного внимания. Он сел и начал читать. Время от времени он что-то восклицал, выражая согласие или неодобрение. Часто он делал пометки карандашом, принимая решения и высказывая свое мнение. Мигуэль собрал документы, которые он оформлял, и отнес их в соседнюю комнату, где работали младшие секретари. Их обязанность заключалась в придании особой помпезности официального языка таким фразам, как «Грубый отказ», «Конечно, нет», «Обратитесь в военный штаб», «Экспансивный ответ», «Я не согласен», «Посмотрите прошлогодний доклад».

Люсиль тоже читала и писала письма. Закончив это занятие, она решила поехать в парк. В течение последних недель, а именно, после того как они вернулись из летней резиденции, она перестала вести привычный образ жизни, установившийся в последние годы. Но после всех волнений и беспорядков, случившихся на днях, она считала своим долгом продемонстрировать смелость, которую она не чувствовала. Это могло бы помочь ее мужу, поскольку она отличалась дивной красотой, творческие люди неизменно проявляли свое почтение. По крайней мере, это не могло никому повредить. Кроме того ей надоело проводить время во дворце и прилегающих к нему садах. Был подан экипаж, и она уже собиралась сесть в него, когда к двери подошел молодой человек, который холодно приветствовал ее.

Граждане республики Лаурации гордились тем, что они никогда не вносили политику в свою личную жизнь или личную жизнь – в политику. В дальнейшем станет ясно, насколько это оправданно. Нынешняя ситуация была напряжена до крайности, и стало трудно следовать этому принципу, но политические противники по-прежнему обменивались любезностями. Люсиль была хорошо знакома с великим демократом, который часто бывал в доме ее отца еще до гражданской войны. Он всегда поддерживал с ним формальное знакомство. Она улыбнулась и поклонилась в ответ, спросив, был ли он намерен встретиться с президентом.

– Да, – ответил он. – У меня назначена с ним встреча.

– Вероятно, общественные дела? – спросила она, робко улыбнувшись.

– Ну, конечно, разумеется, – односложно ответил он.

– Какие же вы все зануды! – решительно произнесла Люсиль. – Как надоели ваши общественные дела и суровые взгляды. С утра до вечера я слышу только о делах и теперь, когда я покидаю дворец, чтобы немного отдохнуть, они встречают меня у самой двери.

Саврола улыбнулся. Было невозможно сопротивляться ее обаянию. Восхищение, которое у него вызывали ее красота и ум, оставалось незыблемым несмотря на осторожность и подозрительность, которые охватили его, когда он готовился к интервью с президентом. Он был молодым человеком, и Юпитер не был единственной планетой, которой он восхищался.

– Ваше высочество, – сказал он, – не должно подозревать меня в злых умыслах.

– Я согласна, – ответила она, смеясь, – и я освобождаю вас от наказания.

Она подала знак кучеру и, отдав поклон, уехала.

Он вошел в вестибюль и был принят дворецким, одетым в роскошную ливрею синего и желто-коричневого цветов, символизирующих республику. Его принял молодой гвардейский офицер. Это был лейтенант, который командовал охраной накануне. Он сообщил, что президент будет свободен через несколько минут. Другие члены депутатской группы еще не прибыли; не изволит ли он присесть? Лейтенант подозрительно смотрел на него, словно перед ним был какой-то странный зверь, вроде бы довольно безобидный, но готовый сорваться и натворить безобразия. Он был воспитан в строгости и воспринял самые жесткие принципы казарменной жизни: представителей народа (речь идет о толпе) он считал «свиньями»; и народные лидеры по его мнению были такими же. Согласно его точке зрения демократические институты, парламент и прочие были «прогнившими». Поэтому было ясно, что между ним и Савролой не может быть ничего общего. Но помимо приятной внешности и хороших манер молодой офицер обладал и другими достоинствами; его товарищи считали его «молодцом». Команда гвардейских улан, игроков в поло относились к нему, как к самому многообещающему игроку.

Саврола, который должен был все знать обо всем на свете, задал ряд вопросов относительно проекта, недавно обсуждавшегося в военном штабе Лаураии. Речь шла об отправке команды игроков в поло в Англию для участия в крупнейшем ежегодном турнире в Хэрлингхэме. Лейтенант Тиро (это была его фамилия) с восторгом обратился к этой теме. Обсуждалось, кого следует послать в качестве «защитника». Дискуссия была прервана лишь когда прибыли мэр и Рено. Младший офицер был направлен, чтобы сообщить президенту, что его ожидали члены депутатской группы.

– Я немедленно приму их, – сказал Молара, – пусть они проходят сюда.

Таким образом члены депутатской группы поднялись по лестнице в личный кабинет президента, который встал и любезно принял их. Годой заявил о недовольстве граждан. Он напомнил об их осуждении неконституционного правительства, которое находилось у власти в течение последних пяти лет. Они восторженно восприняли обещание президента об объединении стран. Он также выразил их горькое разочарование по поводу ограничения права голоса, и их страстное желание его полностью восстановить. Он подробно рассказал о негодовании народа, вызванном жестокостью, с которой солдаты расстреливали безоружных людей. И, наконец, как мэр, он заявил, что нельзя было требовать верности президенту или уважения к этому человеку. Рено рассуждал в том же духе, придавая особое значение законодательному аспекту политики президента в последнее время. Он также говорил о серьезности ее последствий для потомков.

Наконец Молара ответил. Он обратил особое внимание на беспорядки, происходившие в стране, и особенно в столице; он вспомнил волнения, охватившие людей во время последней войны, и о страданиях, которые она принесла народным массам. Государство стремилось создать сильное стабильное правительство. По мере нормализации ситуации право голоса должно расширяться до полного восстановления. Следовало ли на что-то жаловаться в переходный период? В стране поддерживались закон и порядок; нормально работали коммунальные службы; люди жили в условиях мира и безопасности. Более того, твердая внешняя политика способствовала повышению престижа страны. Они должны иметь соответствующий пример.

Он обернулся и попросил Мигуэля прочитать ответ на английскую ноту по африканскому спору. Секретарь встал и прочитал соответствующий документ. Его мягкий мурлыкающий голос прекрасно подходил к воспроизведению оскорблений, содержавшихся в нем.

– И эта нота, джентльмены, – сказал президент, когда чтение было закончено, – обращена к одной из самых могущественных военных и морских держав в мире.

Годой и Рено хранили молчание. Их патриотизм был разбужен; их гордость была удовлетворена; но Саврола многозначительно усмехнулся.

– Потребуется нечто большее, чем депеши, – сказал он, – чтобы не позволить англичанам вмешиваться в дела Африки или чтобы заставить народ Лаурации смириться с Вашим режимом.

– И если потребуются более решительные меры, – подхватил его мысль президент, – наверняка они будут приняты.

– После вчерашних событий в подобном можно не сомневаться.

Президент не обратил внимания на эту ядовитую насмешку.

– Я знаю английское правительство, – продолжал он, – они не станут использовать оружие.

– А я, – возразил Саврола, – знаю народ Лаурации. И потому не чувствую такой уверенности.

Последовала долгая пауза. Оба мужчины посмотрели друг на друга. И их глаза встретились. Это были взгляды двух воинов, владеющих холодным оружием и готовых вступить в битву; это были взгляды двух смертельных врагов; казалось, что они мысленно измеряют расстояние между собой и рассчитывают шансы. Тогда Саврола отвернулся, и тень улыбки застыла на его губах; но он прочитал мысли президента и почувствовал, словно совершил прыжок в преисподнюю.

– Каждого может быть свое мнение, – наконец сказал Молара.

– Скоро оно станет фактом истории.

– Прежде чем это произойдет, могут сбыться другие точки зрения. – возразил президент, после чего, перейдя на официальный язык, заявил очень формально: – Господин мэр, многоуважаемые джентльмены! Я крайне вам признателен, за то, что вы представили передо мною ужасающую картину беспорядков, происходящих среди некоторых слоев общества. Я уверяю вас, что будут приняты крайние меры, чтобы предотвратить восстание. Я прошу вас информировать меня и в дальнейшем. Всего доброго!

Депутатской группе оставалось лишь покинуть дворец после того как Саврола поблагодарил президента за аудиенцию и заверил его в том, что он не откажется от любой возможности донести до него, с какой враждебностью относятся к нему граждане. Спускаясь по лестнице, они встретили Люсиль, которая неожиданно вернулась с прогулки. По выражению их лиц она поняла, как горячо они спорили. Она не обратила внимания на Годоя и Рено, но радостно улыбнулась Савроле, словно хотела сказать ему, что ее не интересует политика, и она не могла понять, почему люди так волновались по этому поводу. Ее улыбка не обманула его; он слишком много знал о пристрастиях и талантах Люсиль, но ее поступки вызывали у него еще большее восхищение.

Он пошел домой. Нельзя сказать, что эта встреча было совершенно бесполезным. Он никогда не надеялся в чем-то убедить президента; и едва ли это было возможно. Но они выразили взгляды людей. И Годой и Рено уже отослали в газеты тексты своих выступлений. Таким образом партия не могла пожаловаться на бездействие своих лидеров в условиях такого кризиса. Он подумал, что испугал Молару, если только было возможно испугать такого человека; во всяком случае он рассердил его. Думая об этом, он испытывал радость. Почему? Он всегда подавлял в себе такие безрассудные и бесполезные эмоции по мере возможности. Но сегодня его неприязнь к президенту была еще сильнее. И тогда он вспомнил о Люсиль. Какой красавицей она была! Она так глубоко инстинктивно понимала оттенки человеческих чувств, что является источником подлинного ума! Моларе повезло, что у него была такая жена. Было очевидно, что он питал к нему личную ненависть, но, конечно, это было вызвано неконституционным поведением президента.

Когда он достиг своих апартаментов, Море уже ждал его. Он был очень взволнован и, очевидно, сердит. Он написал несколько длинных писем своему лидеру, сообщив о своем без-

оговорочном решении порвать все отношения с ним и его партией; но он полностью разорвал их и теперь решил обо всем рассказать простыми словами.

Саврола уловил его взгляд.

– О, Луи! – воскликнул он. – Я рад тебя видеть. Как хорошо, что ты пришел! Я только что побывал у президента: он неумолим; его невозможно сдвинуть с места ни на дюйм. Мне нужен твой совет. Какой курс нам следует принять?

– Что у вас там произошло? – угрюмо, но с интересом спросил молодой человек.

Саврола рассказал об аудиенции предельно кратко. Море внимательно выслушал его и сказал, все еще выражая глубокое недовольство:

– Физическая сила – это единственный аргумент, который он понимает. Я предлагаю призвать людей к восстанию.

– Возможно ты прав, – задумчиво сказал Саврола, – я почти готов согласиться с тобой.

Море яростно отстаивал свое предложение перед своим лидером; он никогда еще не проявлял такую поддержку крайних мер, к которым прежде призывал. В течение получаса они обсуждали этот вопрос. Казалось, что Саврола все еще не был убежден. Он посмотрел на часы.

– Уже третий час, – сказал он. – Давайте пообедаем здесь и еще раз подробно рассмотрим эту ситуацию.

Они так и сделали. Обед прошел отлично, а веские доводы Савролы становились все более убедительными. Наконец, когда они пили кофе, Море согласился, что, возможно, было бы лучше еще немного подождать. И придя к этому мнению, они очень любезно расстались.

Глава V

Личный разговор

– На сегодняшний день эти события закончились, но в будущем ситуация может стать намного опаснее, – сказал президент своему доверенному секретарю, как только закрылась дверь за членами депутатской группы. – Наиболее вероятно, что Саврола будет избран руководителем Центрального Округа, и тогда мы получим удовольствие, слушая его выступления в Сенате.

– Если с ним вдруг ничего не случится, – добавил Мигуэль.

Президент, который хорошо знал своего секретаря, понял намек.

– Нет, это не годится; мы не можем это допустить. Это было бы возможно лет пятьдесят назад. В наше время люди не выдержат такое развитие событий; даже в армии могли бы возникнуть сомнения. Пока он действует в рамках закона, я не вижу возможности преследовать его в соответствии с конституцией.

– Он обладает огромным влиянием; иногда мне кажется, что он является самым могущественным человеком в Лаурации. И с каждым днем он становится все сильнее. Боюсь, это может закончиться для нас плохо, – неторопливо и задумчиво сказал секретарь, который, будучи соратником Молары не только в делах, но и в опасных ситуациях, имел право быть услышанным.

– Я думаю, что конец близится, – продолжал Мигуэль, – и возможно, это произойдет совсем скоро – если не... – Он остановился.

– Я повторяю, что это не может быть совершено. Любой несчастный случай будет приписан мне. Это означает осуществление революции здесь и поиски любого политического убежища за границей.

– Но есть и другие способы расправы помимо силы, физической силы.

– Я не вижу ни одного способа; он слишком могущественный человек.

– Таким же был и Самсон, тем не менее филистимляне прикончили его.

– Там была замешана женщина, а здесь не тот случай. Я не верю, чтобы он был влюблен.

– Никто не знает, что произойдет в будущем...

– В общем, требуется Далила, – сухо сказал президент. – Возможно, вы сумеете подобрать кого-нибудь для него.

Глаза секретаря бежали кабинет, и в какой-то момент его взгляд остановился на фотографии Люсиль.

– Ну, вот вам и кандидатура.

– Как вы смеете, сэр! Вы – негодяй! У Вас нет ни капли совести!

– Мы знаем друг друга достаточно долго, так что оставьте эмоции, генерал.

Он всегда называл его *генералом* в таких случаях. Это напоминало президенту о многих мелких инцидентах, происходивших в период войны, когда им довелось работать вместе. Возможно, в этом и крылась основная причина».

– Вы просто наглец!

– Здесь затронуты мои интересы. У меня тоже есть враги. Вам очень хорошо известно, в какой кошмар превратилась бы моя жизнь, если бы меня не защищала тайная полиция. Я только помню, с кем и для кого делались эти вещи. Возможно, я слишком поспешно принимаю решения, но всему есть предел, даже в отношениях между... Мигуэль хотел сказать «друзьями», но в последний момент заменил его словом «сообщниками».

– Мне безразлично, как вы это называете. Что вы конкретно можете предложить?

– Филистимляне, – ответил Мигуэль, – прикончили Самсона, но прежде Далила была вынуждена остричь ему волосы.

– Вы хотите сказать, что ей следует умолять его об отказе от борьбы?

– Нет, я думаю, что это было бы бесполезно, но если бы он был скомпрометирован...

– Но на это не согласилась бы уже она. Думаю, с этим у нее возникли бы трудности. Если только она будет знать причину.

– Считаю, что нет необходимости, посвящать ее во все детали. В конце концов можно найти другой объект и познакомить его с ним. Это вызвало бы у нее удивление.

– Нет, вы действительно законченный негодяй», – тихо произнес президент.

Мигуэль улыбнулся так, словно получил комплимент.

– Это дело настолько серьезно, что обычные нормы приличия и чести просто отбрасываются. Особые случаи требуют особых мер, – сказал он.

– Но она бы никогда не простила меня.

– Только вам дано право прощать и миловать. Ваше милосердие побудило бы вас простить человека, не совершившего преступление? Вам нужно только сыграть роль ревнивого мужа и позднее признать свою ошибку.

– А как же он?

– Представьте себе, в каком положении оказывается великий народный лидер. Патриот, демократ... словом, почти святой. И вдруг его обнаруживают в объятиях жены тирана! Такой позор вызовет негодование многих людей. Более того, представьте себе, как он будет умолять о пощаде, валяться в ногах президента – чудесное зрелище! Это унижительно не только для политика, но и вообще для любого человека. Подобное осмеяние попросту уничтожит его.

– Вполне возможно, – задумчиво произнес Молара. Эта перспектива вызывала у него удовольствие.

– Так и должно быть. Это единственный шанс, который я вижу. И это ничего вам не будет стоить. Скорее наоборот: каждая женщина втайне польщена ревностью мужчины, которого она любит, даже если он – ее муж.

– Откуда Вам все это известно? – спросил Молара, глядя на уродливую тощую фигуру и блестящие волосы своего соратника.

– Я знаю это наверняка, – ответил Мигуэль с самодовольной ухмылкой. При этом страсти, написанные на лице его были настолько омерзительны, что президент чувствовал отвращение к нему.

– Мистер секретарь Мигуэль, – сухо произнес он с видом человека, который уже принял решение, – я прошу вас больше не говорить об этом деле. Ваше предложение свидетельствует скорее об уме, а не о благородстве души.

– По официальной манере вашего превосходительства я вижу, что нет необходимости в упоминании этого вопроса в дальнейшем.

– У вас имеется доклад сельскохозяйственного комитета за прошлый год? Отлично! Пожалуйста, составьте для меня краткое изложение этого документа; мне нужны некоторые факты. Страну можно поддерживать, даже если мы потеряем капитал; речь идет о значительной части армии.

Таким образом неприятная тема была отброшена. Они оба поняли друг друга: им обоим угрожала опасность.

После того как президент закончил утренние дела, он поднялся, направляясь к выходу. Но прежде он обратился к Мигуэлю и резко сказал:

– Для нас очень желательно узнать, какой курс намерена проводить оппозиция в связи с заседанием сената, не так ли?

– Несомненно?

– Как можно заставить Савролу выступить? Он неподкупен.

- Но есть другой способ.
- Я уже сказал вам, что не может быть и речи о физической силе.
- Существуют и иные методы».
- Ведь я приказал вам никогда не говорить об этом снова, – сказал президент.
- Так точно, – сказал секретарь, продолжая писать. Он принял последние слова президента как сигнал к началу осуществления намеченного плана.

Сад, в который вышел Молара, был одним из самых красивых и знаменитых в стране. Здесь все растения отличались особенной роскошью благодаря плодородной почве, жаркому солнцу и обилию дождей. Для него был характерен изысканный беспорядок. Жители Лаурании не были поклонниками красоты, основанной на четком расположении равного количества небольших деревьев симметричной формы, отличающейся математической четкостью. Их не привлекало воссоздание геометрических фигур, включающих узкие тропинки, обсаженные живыми изгородями. Они не были просвещенными людьми, и их сады демонстрировали полное презрение к геометрической четкости. Их сельские пейзажи отражают красочные цветовые и световые контрасты на фоне приглушенных оттенков зелени. Согласно их идеалу садоводства каждое растение должно расти привольно и благодатно, обласканное щедрой природой. Оно должно стремиться к совершенству, словно произведение искусства. Даже если не удавалось создать художественное произведение, оно по крайней мере радовало своей красотой.

Однако президента очень мало интересовали цветы и их расположение. Он был слишком деловым человеком, и его не волновали красота цвета, гармония или четкость линий. Ни чарующая прелесть оттенков розы, ни аромат жасмина не пробуждали в его душе ничего кроме простого физического удовольствия, возникающего естественно и произвольно. Ему нравилось владеть садом, полным цветов, поскольку так было принято. Кроме того это давало ему возможность принимать людей на фоне красоты и обсуждать с ними политические вопросы. Было удобно в полдень устраивать приемы гостей. Но его не интересовала прелесть сада. Его практическую натуру скорее привлекал огород, и его больше радовал пучок лука, чем орхидея.

Он все время предавался размышлениям после разговора с Мигуэлем. Торопливой, стремительной походкой он направился вниз по тенистой тропинке, которая вела к фонтанам. Ситуация казалась отчаянной. Как сказал Мигуэль, это был вопрос времени, если Саврола не будет убран или дискредитирован. Он противился точно сформулировать мысль, которая пришла ему на ум. Молара совершил много недостойных дел в суровые дни войны, когда он участвовал в сражениях. Память о них была неприятной. Он вспомнил о своем брате по оружию, бравом офицере, который успешно продвигался по службе. Он был полковником, командиром полка, но яростным соперником нынешнего президента, который в критический момент задержал доставку боеприпасов, и позволил врагу убрать единственное препятствие на своем пути. Тогда он вспомнил и о другом случае, который был также недостойным. Речь шла об уничтожении мирного договора и о несостоявшемся перемирии. Он подумал о людях, которые сдали свои позиции и были расстреляны у стены крепости, которую они так долго защищали. Он также с раздражением вспомнил методы, которые он применял для получения информации у пленного шпиона. Несмотря на пять лет деятельной жизни, когда ему сопутствовали успех и удача, из его памяти не стерлось лицо этого человека, когда он корчился в муках. Но эта новая идея казалась еще более отвратительной, чем все остальное. Он был бессовестным, но, подобно многим историческим личностям или деятелям современности, он пытался избавиться от позорного прошлого. Поэтому, придя к власти, он заявил, что откажется от недостойных методов, поскольку в них больше не будет необходимости; и однако снова возникла такая необходимость. Ведь Люсиль была необыкновенно красива; и он любил ее только за это, будучи жестким и суровым человеком. Кроме того, она была настолько общительна, тактична и прелестна, что он восхищался ею и ценил ее с чисто формальной точки зрения.

Если бы только она когда-нибудь узнала о его замыслах, она бы никогда не простила его. Она никогда не должна узнать об этом. Но, тем не менее, ему была ненавистна сама идея.

Но какой другой выход оставался у него? Ему вспомнились лица из толпы, мелькнувшие в тот злополучный день. На него нахлынули мысли о Савроле, о событиях в армии, о которых он случайно узнал; о других более зловещих и мистических историях. Его взбудоражили слухи о странных федерациях и тайных обществах, которые призывали к массовым убийствам и даже революции. Стихия разбушевалась, и медлить было просто опасно.

И тогда перед ним непроизвольно возникла альтернатива: побег, отказ от должности, жалкое, убогое существование в какой-то чужой стране, где он бы подвергнулся презрению, оскорблениям, где его бы подозревали во всех тяжких грехах; и он слышал о том, что изгнанники доживали до глубокой старости. Нет, он не мог даже представить себе это, уж лучше было бы умереть; только смерть могла заставить его покинуть дворец, и он будет бороться до конца. Он мысленно вернулся к отправной точке своих размышлений. Да, у него был только один шанс, единственное решение, казавшееся возможным; оно не устраивало его, но не было никакого другого выхода. Достигнув конца тропинки и повернув за угол, он вдруг увидел Люсиль, сидевшую у фонтана. Это была чудесная картина.

Она заметила его озабоченный взгляд и встала ему навстречу.

– Что случилось, Антонио? Ты выглядишь встревоженным.

– Наши дела достаточно плохи, моя дорогая. Саврола, депутатская группа, газеты, и, помимо всего прочего, сообщения, которые я получаю о настроении людей, наводят ужас и тревогу.

– Когда я уехала сегодня утром, меня встревожил твой печальный вид. Ты считаешь, что нам угрожает опасность?

– Конечно, – ответил он в характерной для него строгой официальной манере, – причем опасность более чем серьезная.

– Мне так хотелось бы тебе помочь, – сказала она, – но я всего лишь женщина. Что я могу сделать?

Он ничего не ответил, и она продолжала:

– Сеньор Саврола – добрый человек. Я хорошо знала его еще до войны.

– Он нас погубит.

– Этого не может быть.

– Нам придется бежать из страны, если только нам позволят это сделать.

Она побледнела.

– Но я знаю, как ведут себя мужчины; мы чувствуем симпатию друг к другу; он – не фанатик.

– Существуют силы, о которых он почти ничего не знает. Он не может их контролировать, и они будоражат его.

– И ты ничего не можешь сделать?

– Я не могу арестовать его; он слишком популярен. Кроме того, он не нарушил закон. Он будет продолжать в том же духе. Через две недели состоятся выборы, и он снова будет избран несмотря на принятые мною меры; и тогда начнутся неприятности». Он сделал паузу, словно разговаривая с самим собой, и тогда продолжал: – Если бы мы могли узнать, что он намерен предпринять, возможно, мы могли бы разрушить его планы.

– Неужели я не могу помочь тебе? – взволнованно спросила она. – Я хорошо знаю его, и мне кажется, что он испытывает ко мне некоторую симпатию. Он мог бы поведать мне то, о чем он не рассказал бы никому другому...

Здесь она невольно подумала о многих победах над мужчинами, одержанных ею в прошлом.

– Моя дорогая, – сказал Молара, – почему ты должна портить свою жизнь, вмешиваясь в самые темные политические дела? Я не имею права просить тебя об этом.

– Но мне так хочется! Я постараюсь все сделать, если только это поможет тебе.

– Ну, по правде говоря, это во многом изменило бы ситуацию.

– Очень хорошо, я все выясню ради тебя; через две недели ты будешь знать обо всех подробностях. Он должен появиться на правительственном балу; там я встречу его.

– У меня вызывает отвращение сама мысль о том, что я позволяю тебе говорить с таким человеком. Но я знаю, насколько ты умна; да и необходимость в этом слишком велика. Но придет ли он на бал?

– Я напишу ему записку и приглашу его, – сказала она. – А заодно посоветую ему с юмором относиться к политике и не допускать ее в свою личную жизнь. Я уверена, что он придет; ну, а если нет, то я найду другой способ увидеться с ним.

Молара посмотрел на нее с восхищением. Никогда прежде он не любил жену сильнее, чем теперь, когда он понял, как она была полезна для него.

– Тогда я оставляю это на твое усмотрение. Меня пугает, что ты потерпишь неудачу, но если ты сможешь справиться с этой задачей, государство будет спасено. Если же нет, никто особенно не пострадает.

– Я добьюсь успеха, – уверенно ответила Люсиль и, поднявшись со своего места, направилась к дому. Глядя на своего мужа, она почувствовала, что ему хотелось побыть одному.

А он продолжал еще долго сидеть, задумчиво глядя на воду, где безмятежно плавали жирные, ленивые золотые рыбки. Выражение его лица было таким, словно он проглотил что-то отвратительное.

Глава VI

Конституционные основы

Благоразумные основатели республики Лаурации признавали важность сохранения и развития правил социального общения между публичными деятелями государства независимо от того, к каким партиям они принадлежали. Поэтому президент в течение длительного времени следовал традиции в соответствии с которой в течение осеннего сезона устраивались несколько официальных приемов. На них приглашались важные персоны с каждой стороны. Согласно правилам этикета было положено их посещать. В этом году страсти настолько накалились и отношения были настолько напряженными, что Саврола решил не принимать приглашение, и уже формально отказался от него. Поэтому он был очень удивлен, получив вторую пригласительную открытку. И его еще больше поразило то, что к ней была приложена записка от Люсиль.

Он понял, что она с открытыми глазами шла навстречу судьбе. Только было неясно, почему она так поступила. Конечно, она рассчитывала на свое очарование. Ведь очень трудно, почти невозможно нанести оскорбление красивой женщине; красота все равно побеждает, а пренебрежение отбрасывается. В действительности он мог бы извлечь политический капитал благодаря такому настойчивому приглашению в такой критический момент. Но он чувствовал, что она хорошо понимала его и, по крайней мере, не подозревала его в этом. Это доставляло ему удовольствие. Саврола сожалел о том, что не мог посетить бал, но он уже принял решение и сел, чтобы написать о своем отказе. Написав половину письма, он остановился; он вдруг подумал, что, возможно, она остро нуждалась в его поддержке. Он снова прочитал ее записку и ему показалось, словно между строк сквозила мольба о помощи. И тогда он начал искать поводы, чтобы изменить свое решение: это был освещенный временем обычай. Он подумал, что было необходимо показать его последователям, что в настоящий момент он одобрял только призывы к соблюдению конституции. У него появилась возможность продемонстрировать уверенность в успешном воплощении своих планов. На самом деле все доводы, кроме одного, самого главного, свидетельствовали против его решения.

Да, он пойдет на бал; партия могла бы возражать, но ему это было безразлично. Это их не касалось. В конце концов, он был достаточно силен, чтобы выдержать их недовольство. Эти размышления были прерваны появлением Море; его лицо излучало энтузиазм.

– Центральный окружной комитет единогласно избрал вас своим кандидатом на выборах. Транта, марионетка диктатора, был осмеян. Я назначил общественное заседание в четверг вечером. Вы должны на нем выступить. Сейчас мы находимся на гребне волны!

– Отлично! – воскликнул Саврола. – Я ожидал этого назначения. Мы пользуемся огромным влиянием в столице. Я рад возможности произнести речь, поскольку давно уже не участвовал в заседаниях, и именно теперь у нас накопилось много вопросов для обсуждения. В какой день это должно состояться?

– В четверг, в здании ратуши, в восемь часов вечера, – сказал Море, который, хотя и слыл романтиком, не был лишен деловых качеств.

– В четверг?

– Да. Надеюсь, у вас не назначены на этот день другие дела.

– Ну, в четверг вечером должен состояться торжественный бал, – медленно, словно взвешивая каждое слово, ответил Саврола.

– Я знаю, – сказал Море, – именно поэтому я назначил этот день. Они почувствуют себя танцующими на вулкане; совсем недалеко от дворца соберутся другие люди, действия которых согласованы и решительны. Молара не получит удовольствие на этом вечере; Лоуве не при-

дет совсем; Сорренто будет готовиться к войне, если это потребуется. Значит, наше заседание однозначно испортит им праздник: ведь все они будут знать, что творится у них за стенами дворца.

– Четверг не подойдет, Море.

– Не может быть! Но почему?

– Потому что в этот вечер я собираюсь на бал, – решительно заявил Саврола.

Море разинул рот от изумления.

– Что?! – воскликнул он, – Вы?

– Вероятнее всего, что я пойду. Древние традиции государства не могут быть отброшены подобным образом. Это мой долг – пойти туда; мы боремся за восстановление конституции, и мы должны продемонстрировать наше уважение к ее принципам.

– Как?! Вы хотите сказать, что будете пользоваться гостеприимством Молары: войдете в его дом, станете есть его еду?

– Нет, – ответил Саврола, – Я буду есть пищу, предоставленную государством. Как вам известно, расходы на эти официальные мероприятия оплачиваются обществом.

– И вы будете разговаривать с ним?

– Конечно, но только он не получит от этого удовольствия.

– Значит, вы будете наносить ему оскорбления?

– Мой дорогой Море, почему вы мыслите столь категорично? Я буду очень любезен. Это испугает его больше всего на свете; он не будет знать, что ему угрожает.

– Вы не имеете права туда идти, – твердо сказал Море.

– Но я действительно намерен пойти.

– Подумайте о том, как к этому отнесутся профсоюзы.

– Я уже подумал обо всем этом и принял свое решение, – твердо ответил Саврола. – Пусть они говорят все, что заблагорассудится. Это продемонстрирует им, что я не намерен надолго отказываться от конституционных методов. Время от времени требуется охлаждать энтузиазм этих людей; они слишком серьезно относятся к жизни.

– Но они могут обвинить вас в предательстве нашего общего дела.

– Я не сомневаюсь в том, что найдутся глупцы, которые выскажут свои нелепые упреки.

Но я уверен, что никто из моих друзей не станет докучать мне, повторяя их.

– А что скажет Стрелитц? Это может стать последней каплей, которая либо подтолкнет его к решительным действиям, либо заставит его бежать за границу вместе со своими соратниками. Он и так обвиняет нас в безразличии и становится все более нетерпеливым каждую неделю.

– Если он выступит, прежде чем мы будем готовы ему помочь, войска быстро расправятся с ним и его группировкой. Но он получил от меня точные приказы, и я надеюсь, что он выполнит их.

– Вы поступаете неправильно и, думаю, сами знаете об этом, – резко и сурово подытожил Море, – не говоря уже о позорном раболепстве перед вашим врагом.

Саврола улыбнулся, видя гнев своего последователя.

– О, я не собираюсь раболепствовать, – сказал он. – Разве вы когда-нибудь видели, чтобы я унижался? – Саврола коснулся руки своего соратника. – Как странно, Луи, – продолжал он, – что мы так непохожи друг на друга, и все же, если бы я оказался в трудной ситуации и в смятении, я бы обратился за поддержкой только к вам. Мы бранимся по пустякам, но когда решаются великие дела, ваше благоразумие должно руководить мною, и вам это прекрасно известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.